

ЗАКОУЛКИ ИСТОРИИ ИЖЕВСКА

ВДОЛЬ ДА ПО УДМУРТСКОЙ

Все улицы в Ижевске в свое время нумеровались. Отсчет шел от старинного центра, в который включались плотина и пруд. От него, как круги по воде, разбежались в разные стороны улицы растущего города. Так, на восток, в гору, шел один отсчет. Пушкинская называлась 8-й, Коммунаров — 10-й, а Удмуртская — под «счастливым» номером 13. В Зарече свой отсчет улиц, вплоть до 17-й. В Колтоме, ввиду близкого леса, появились от первой до десятой Подлесные. Собственную нумерацию вводили и жилые районы поменьше, например, такие, как Восточный поселок. Но там, возможно по причине малого масштаба, наименования, присвоенные позднее улицам, прижились быстрее.

Забываются номера улиц центра города. Упорно держатся за свое жители Заречья. Романтики считают, что имена, присвоенные улицам, делают их роднее для тех, кто там живет, обогащают историю города. Прагматики, напротив, уверяют, что с номерами удобнее разбираться, где какая улица находится, экономия времени, а время — деньги.

Южная граница Удмуртской улицы и начало отсчета номеров — Воткинская железнодорожная линия. Когда более полувека назад тут развернулось строительство частных домов, на болоте, ниже линии еще не строились — хватало места на горе. И поэтому возникшие позднее за «железкой» улицы вроде и смотрелись заодно с верхними, но названия имели другие и отсчет номеров вели в противоположном направлении.

Эта часть Удмуртской сплошь деревянная. Она карабкается круто вверх по склону горы так, что один край улицы выше другого. Для проезда она менее удобна, чем соседняя 14-я, теперь улица Володарского, поэтому заасфальтировали и сделали транзитной именно последнюю. Но весной, когда случались наводнения и нижние улицы превращались в «венцианские каналы», по которым страдавшие на лодках сновали имущество или завоза продукты и теплую одежду, замерзая от близости

сти ледяной воды, жители Удмуртской, наблюдая и сопереживая со своей «верхотуры», могли быть спокойны, что эта напасть им не грозит.

Раз на горе — то земля там больше глинистая. Но картошка да овощи рождаются неплохо. Удобно ведь, когда рядом с добротным домом усадьба: гараж, баня, теплички. Поначалу нарезали всем по 8—10 соток. Потом, когда стали застройку уплотнять и появились с обе-

пацанами, раздобыв неизвестно где огромные деревянные сани-розвальни и посадив впереди самых крепких ребят на коньках, чтобы рулили, мчались на них с ревом, распугивая встречных и поперечных, вниз по Большой дороге, уклон от улицы Удмуртской выносил нас по инерции до самой Сенной.

Пивнушек на Большой дороге было немало. Улица вела от базара, и отторговавшиеся кто сеном, кто мясом,

Пушкинской. Всё уперлось в деньги. Срезано и перевезено огромное количество грунта, измеряемое сотнями тысяч кубометров, но строительство пересечения дорог здесь пока не закончено.

Ах, какая отсюда распахивается панорама! Наверное, это самая высокая точка города, самый высокий из всех холмов, на которых стоит Ижевск. Наша усадьба, строительство которой было спешно завершено в связи

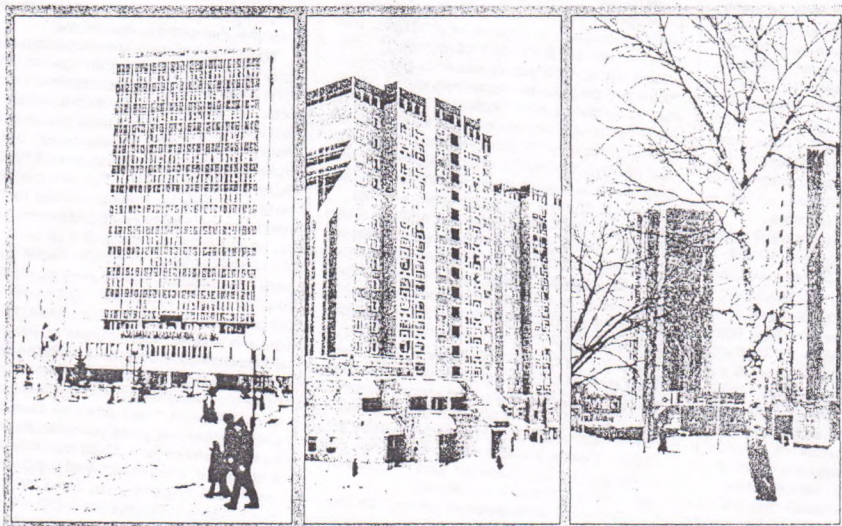
Ижевского механического завода. Именитых заморских гостей зыводят на смотровую площадку гигантского здания, чтобы после фуршета полюбоваться панорамой раскинувшегося внизу города.

После трагического пожара, когда погибли моя сестра и зять, наш обгоревший дом портил весь вид, и по требованию дирекции завода я вынужден был разобрать его. А, может быть, пожарище напоминало администрацию о том, что погорелице, работнице завода, — дочери погибших и тоже проработавших на этом предприятии в общей сложности десятки лет, так и не дали нормального жилья.

От Большой дороги деревянная Удмуртская, поблескивая шиферными крышами, тянулась до самой улицы Ленина. Между Удмуртской и Комсомольской, на пересечении с улицей К. Либкнехта, стоял длинный деревянный продовольственный магазин. В нем мы были закреплены для отоваривания карточек. Каждый день мы, пацаны, ходили туда за хлебом по Удмуртской, чтобы скрасить свое полуголодное существование и длинную дорогу, заключали пари. Нужно было безошибочно назвать номера домов и фамилии их владельцев, что были написаны на табличках, в обязательном порядке прибываемых даже к самым захудалым халупам и освещаемых по ночам лампочкам. Победитель получал хлебные обрезки, что возникали во время взвешивания. Везло чемпиону, если обрезки были пузатенькими. Но часто он оставался без приза. Когда милиция для наблюдения за очередью не появлялась, мужики, что понаглее, затеяв бузу, stalkивали нас и баб с высокого крыльца. И мы, простояв полдня на морозе, скатывались по многочисленным ступенькам, как замерзшие конские говешки, потирали ушибленные места, понимая, что ругаться бесполезно и хлеба сегодня нам не хватит. Вот тогда победитель оставался без «калыма». Но он не обижался, он нам сочувствовал.

(Окончание следует.)

Анатолий ГУСЕВ.

их сторон спутники — проезды Удмуртский и Володарского, огороды у старожилы улицы пообрезали, но и того, что осталось, хватало на грядку-другую. А бани оставили только заядлые любители попариться. Все остальные ходят в «казенную», на Большую дорогу, где перескакивает она с улицей Коммунаров.

Кстати, о Большой дороге, нынешнее название улицы — 40 лет ВЛКСМ. Когда это была действительно магистраль, начало Гольянского тракта. По ней транспортировали суда, построенные на Ижевском железодельательном заводе, чтобы спустить на камскую ширь в Гольянах, везли и другие грузы на эту оживленную пристань. Представляю, каких трудов и какого мастерства это стоило — втащить на такую гору многосотпудовые громадины. Когда мы

кто молоком или медом колохозники нередко спускали там на «сто грамм с прицелом» свои трудом доставшиеся червонцы. А если не вовремя являлись домой наши отцы, то матери посылали нас искать загулявших кормильцев. Мы шли по цепочке от пивнушки к пивнушке, и, выпив своих отцов в ближайшей, а то и самой дальней забегаловке, одного или в компании, в зависимости от их «загруженности», ныли и уговаривали их идти домой.

Так вот, вылезши на гору перед Большой дорогой, Удмуртская успокаивается и дальше идет по ровному месту. Вернее, шла. Сейчас гигантским котлованом ее пересекает Промышленная магистраль. Задумка была хорошая: разгрузить от транспорта центр города. Но, поблескивая новеньким асфальтом, Промышленная обрывается в районе улицы

с началом войны, стояла на этой вершине. Земли нам выделили много на радость родителям, осваивавшим огород. Меня же больше радовал сарай, где я, заигравшись наверху, засыпал в пахучем сене: мы держали кормиллицу-корову. Ночью мы с отцом любили посидеть на плоской крыше дровенника. Я, прижавшись к нему, смотрел на озеро городских огней в долине, слушал, как ворочались и погромывали молотами заводы, вооружая страну огромную, вставшую на смертный бой, посвистывали паровозы, круглосучно увозя тысячи тонн продукции для фронта. Отец караулил картошку, которую воровали с неогороженного участка: вместе с войной в город пришел голод.

Сейчас здесь стоит, взметнувшись ввысь и сверкая стеклом и алюминием, административное здание